

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/65/4

Т. В. Панич

Институт истории СО РАН, Новосибирск

Видение Петра Артемьева из послания отцу и его роль в структуре текста

Исследуется эсхатологическое видение писателя второй половины XVII в. Петра Артемьева, входящее в состав его послания отцу в Суздаль. Материалом исследования является список послания, сохранившийся в рукописи конца XVII в. Рассматриваются содержание и образная система видения, определяется его структурная специфика, устанавливается связь видения с контекстом послания, выявляется его функция в композиционной структуре сочинения. Делается вывод о том, что включение в состав послания эсхатологического видения усилило исповедальное начало всего текста, оказало влияние на образ автора и характер авторского самовыражения.

Ключевые слова: XVII век, Петр Артемьев, послание, видение ада, эсхатология, образ автора.

Жанр видений, по наблюдениям ученых-медиевистов, был одним из самых распространенных, но при этом недостаточно изученных жанров древнерусской литературы. Он функционировал как в виде самостоятельных текстов, так и в составе сочинений разных жанровых форм. Как писала Е. К. Ромодановская: «Видения пронизывают всю жанровую систему древнерусской литературы и являются существеннейшим элементом агиографии, исторических сочинений, хождений, торжественного и учительного красноречия» [Ромодановская, 1996, с. 144]. Особо широкое распространение видения самого разного содержания и идейной направленности получили в XVII в. Всплеск интереса к ним был вызван сначала событиями Смуты, а позднее церковной реформой патриарха Никона и теми качественными изменениями, которые происходили в жизни русского общества и культуре. К использованию визионерского жанра прибегали представители разных направлений русской культуры «переходного периода». Рассказы о видениях (многие из них имеют полемическую направленность) встречаем в сочинениях писателей-старообрядцев, представителей «старомосковской партии» – грекофилов и их идейных противников – латинствующих, к которым принадлежал Петр Артемьев, чье видение, включенное в послание к отцу, является предметом данного исследования.

Петр Артемьев – примечательная личность второй половины XVII в. Он принадлежал к московской литературной школе, созданной Симеоном Полоцким,

Панич Тамара Васильевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; istochnik@history.nsc.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 4
© Т. В. Панич, 2018

входил в «писательскую общину», в которой, по наблюдению А. М. Панченко, «выработался особый писательский тип». Правда, по сравнению с другими видными представителями этого сообщества Петр Артемьев, по мнению ученого, находился на его «периферии» [Панченко, 1973, с. 116–117]. Основанием подобной оценки, как представляется, могли быть не слабые литературные способности Артемьева, а скудное количество оставленных им литературных трудов: его письменное наследие не сохранилось в полном объеме из-за определенных обстоятельств жизни писателя.

Как известно, после обучения в Славяно-греко-латинской академии Петр Артемьев отправился в 1688 г. вместе со своим учителем Иоанникием Лихудом за европейской наукой. Более трех лет он жил и учился в Италии в иезуитских школах. В отличие от своего современника Григория Скибинского, также обучавшегося за границей и удостоившегося степени «доктора философии и иных свободных наук»¹, Петр Артемьев, по-видимому, не получил систематического образования. Поскольку возможность обучения в Европе была обусловлена отречением от православия, он принял унию и в Москву возвратился убежденным католиком. Поначалу Артемьев скрывал свою приверженность католицизму и даже был рукоположен патриархом Иоакимом в диаконский сан и определен в Петропавловскую церковь в Новомещанской слободе. Однако постепенно он начал открыто выражать новые воззрения в устных разговорах, проповедях в храме и в отправлении церковных обрядов. В мае 1698 г. Артемьев за пропаганду идей, противоречивших православию, был помещен в Новоспасский монастырь, а в июне того же года осужден на церковном соборе, расстрижен и отправлен в Холмогоры под надзор архиепископа Афанасия, а позднее – в Соловецкий монастырь, где и умер². Сообщение о смерти Артемьева (21 января 1700 г.) содержится в «отписке» Афанасия Холмогорского на имя патриарха Адриана, в которой холмогорский владыка информировал предстоятеля Церкви о последних днях жизни соловецкого узника [Панич, 1999, с. 40–43].

О литературном наследии Петра Артемьева мы можем судить лишь по нескольким стихотворениям, написанным им в период пребывания в Холмогорах³, да тем немногим фрагментам из сочинений писателя, которые оказались в составе комплекса рукописных материалов, подготовленных для церковного суда над ним⁴. Данный комплекс в разном наборе текстов сохранился в сборниках конца XVII – начала XVIII в. [Панич, 2008, с. 30–53]. Черновой вариант подборки материалов представляет рукопись из Синодального собрания ГИМ, № 393⁵.

Особую научную ценность среди текстов чернового сборника, имеющих отношение к Петру Артемьеву, представляет его послание отцу из Москвы в Суздаль⁶, которое было написано им в апреле 1698 г., во время Великого поста, незадолго до отправки в Новоспасский монастырь.

---

¹ БАН, П.1.В.11, л. 80 об.

² Подробнее о Петре Артемьеве см.: [Никольский, 1863; Каган, 1998; Панич, 2001].

³ Стихи Артемьева на ветхозаветные и евангельские сюжеты были опубликованы А. А. Титовым по рукописи «Двинского летописца» [Титов, 1889, с. 108–110].

⁴ Из данных материалов мы узнаем, например, что во время пребывания Артемьева в Новоспасском монастыре им были написаны «тетради» – сложный по своему содержанию и жанровой форме текст на 89 страницах, в котором (судя по сохранившимся выпискам) сочетаются фрагменты мемуаров, автобиографических и путевых заметок. По предположению М. Никольского, «тетради» «были сожжены на соборе», где рассматривалось дело Петра Артемьева [Никольский, 1863, с. 262].

⁵ Краткое описание сборника см.: [Протасьева, 1973, с. 117].

⁶ ГИМ, Синодальное собрание, № 393, л. 26–36. Это единственный известный на сегодняшний день список сочинения. Его заглавие – «Список с сущаго писма бывшего диакона Петра» –

Являясь важным источником биографических сведений о Петре Артемьеве, послание представляет научный интерес и как литературное произведение, отражающее особенности его творчества, в котором совместились традиции древнерусской литературы и культурные новации второй половины XVII в., проявились черты влияния западноевропейской культуры (в частности, барокко), с которой писатель познакомился во время пребывания за пределами Московской Руси [Панич, 2007].

Особое место в структуре послания, которое являет собой своеобразный дневник, занимает описанное автором собственное видение, относящееся к раннему периоду его жизни. Петр напоминает отцу об этом событии в той части текста, где делится переживаниями, связанными с тяжелым положением, в котором он оказался из-за вероисповедных разногласий с православной Церковью. Как он пишет, видение случилось на восьмом году жизни. Петр тогда явственно увидел в своих руках бумажный свиток, который быстро разворачивался, открывая перед ним картины ада («велия страхования»): «огневидные воды», бесчисленные толпы грешников, испытывавших посмертные муки в адском пламени, и вызвавшие в ребенке потрясение и ужас зверские образы и разрубленные («рассеченные в штуки») человеческие головы. При этом созерцаемые им ужасающие образы иного мира сопровождались звуками: он слышал громкие стечения и вопли грешников.

Приводим рассказ автора послания о видении:

Веси ты сам осиновской случай (здесь Петр обращается к отцу. – *Т. П.*), в нем же ни во сне, ни во изумлении зряху ми ся велия страхования, их же и ныне, яко же зрю, толь памятно. Зряше же ми ся, якобы держю свиток великий бумаги, который из рук моих развертывался таким бегом, скоро, как молния. И чем развернется велми зело, тем из того свитка являху ми ся или воды огневидныя, или пламы огненныя⁷. И в тех пламенех вопляху многочисленныя гласы. Являхуся же и тмочисленныя виды глав человек и зверских, не виданых мною таковых и доднесь. Овы целы, живы и устрашающия мя люте, овы же мертвы и расчечены в штуки, от чегося всего кричах велми и безобразно, и тебе немерно ужасив и обнедоумив⁸.

По своему содержанию видение может быть отнесено к тому типу визионерского жанра, который разрабатывал темы потустороннего мира⁹. Как видим, текст очень небольшой по объему и имеет простую структуру, здесь присутствуют не все структурные элементы жанра¹⁰. Обычно видения происходят после усердной молитвы в «тонком сне», «в иступлении ума» или в состоянии кратковременной смерти. В видении Петра состоянием, маркирующим событие откровения, является его заболевание. Судя по всему, ребенок из-за лихорадки

указывает на то, что он был переписан с подлинника (автографа Артемьева), очевидно не сохранившегося (*суций* – ‘настоящий’, ‘истинный’ [Дьяченко, 1900, с. 693]).

⁷ Выделенные курсивом слова восстановлены по сочинению идейного противника Петра Артемьева – Евфимия Чудовского «Выписано из граммоток, которыя он, диакон, писал ко отцу своему Артемию в Суждаль» (см.: БАН, П.1.V.11, л. 76 об.), в котором он цитировал послание с целью критики. Наличие отмеченного пропуска позволяет предположить, что, работая над своим обличительным сочинением, Евфимий обращался за выписками не к рассматриваемому нами списку, а непосредственно к автографу Петра Артемьева или к какому-то другому, не известному нам или не сохранившемуся списку.

⁸ ГИМ, Синодальное собрание, № 393, л. 32 об. Далее при цитировании текста отсылки к листам рукописи приводятся в круглых скобках вслед за цитатой.

⁹ Видениям потустороннего мира посвящено специальное исследование А. В. Пигина (см.: [Пигин, 2006]).

¹⁰ О структуре жанра видений см.: [Прокофьев, 1964, с. 40; Ярхо, 1989, с. 35–36].

находился в пограничном состоянии между явью и сном. Как сообщает сам Артемьев, видению сопутствовало начало «огневицы»¹¹:

И сие начало бысть мне тоя огневицы. Довезен же быв на Флорища и там бых безпамятен, в чем и изповедан быв, причащен, не помню, со ответным ли сподоблением (л. 32 об.).

Он вспоминает, что болезнь продолжалась более года и имела последствия:

Немощь одержаваше мя, чаю, с год, прежде часто, потом реже, обаче и доднесь отрыгается прыщами на роже та болезнь¹² (л. 33).

В видении Петра Артемьева отсутствует такой структурный элемент видений потустороннего мира, как явление к визионеру «душеводителей» – чудесных сил или душ умерших людей, которые обычно выполняют функцию спутников ясновидца, его проводников в невидимый мир (в рай или ад). Отсутствует также мотив низведения тайнозрителя в загробный мир и странствия по нему. В данном случае потустороннее пространство проявляется перед взором визионера посредством бумажного свитка, который чудесным образом оказывается вложенным в его руку. Перед ясновидцем как бы оживает икона Страшного суда, именно та ее часть, где присутствуют сцены с изображением грешников в огненном потоке, низвергающимся в геенну (конечное после ада место пребывания грешников), в которой каждый получит воздаяние за совершенные при жизни грехи. Созерцаемый ясновидцем мир не статичен, населяющие его образы находятся в движении и воздействуют на слух: визионер слышит вопли горящих в огне грешников. При этом он сам находится вне открывшегося ему пространства, взирая на него со стороны. В видении нет расшифровки смысла откровения, не дается какого-либо наказа ясновидцу со стороны небесных сил, что обычно содержит структура визионерского жанра.

Следует понимать, что описанный автором послания образ ада может не вполне соответствовать той картине, которую он созерцал в детстве и сейчас воспроизводит по воспоминаниям. Многие детали за годы, вероятно, ушли из памяти, несмотря на уверения Артемьева, что он ясно помнит представшие его взору «велья страхования» («их же и ныне, яко же зрю, толь памятно»). К тому же писатель мог намеренно опустить некоторые подробности видения, показавшиеся ему несущественными или неуместными в контексте послания; возможно, они могли также не соответствовать его замыслу.

При этом в изображение давнего сверхъестественного происшествия несомненно были привнесены и какие-то новые элементы как результат приобретенных писателем литературных навыков и книжных знаний. В итоге литературная версия детского видения отразила комплекс представлений, сформированных на основе влияния книжности, особенно текстов эсхатологического содержания. В рассказе о видении использованы традиционные мотивы и образы Апокалипсиса: свиток (в Откровении Иоанна – книга), открывающий визионеру

---

¹¹ Огневица – тиф (см.: [Книга глаголемая..., 1997, с. 405]). Следует иметь в виду, что в Лечебниках Древней Руси и в народной среде наименование «огневица» («огнева», «огневая немощь», «огненная болезнь»), по-видимому, применялось не только для обозначения тифа, но и для других болезней, сопровождавшихся лихорадкой [Лахтин, 1912, с. 25, 64, 91]. Поэтому неясно, какое из заболеваний перенес Петр Артемьев, но, вероятно, одно из тяжелых.

¹² Интересно, что Евфимий Чудовский объявляет видение ложным (такие откровения не признаются Церковью). Он объясняет его болезненным состоянием малолетнего Петра, лихорадкой, которая присуща, по его выражению, «жарким» болезням (БАН, П.1.В.11, л. 76 об. – 77).

тайное знание о потустороннем мире и посмертной участи грешников, огненные воды, вечный огонь, сжигающий души тех, кто осужден на мучение. Перечисленные топосы присущи видениям эсхатологического содержания, сюжеты которых основаны на текстах Священного Писания, произведениях отцов Церкви, агиографической литературе, апокрифах, иконографии Страшного суда, и других источниках.

Итак, зафиксированное на бумаге видение Петра Артемьева приобрело статус литературного сочинения, где визионер и автор рассказа об этом событии предстают в одном лице.

Чтобы уяснить роль видения в структуре послания, необходимо ответить на вопрос: какова была авторская установка, с какой целью Петр Артемьев обратился в своем послании к столь давнему, но навсегда запечатленному в памяти случаю, относящемуся к раннему периоду его жизни, пытаясь истолковать его смысл?

Думается, что ответ на этот вопрос содержится в словах самого Петра, предваряющих рассказ о видении загробного мира. Обращаясь к отцу, Артемьев вопрошает: «В писании же дарование не предназначено было ли с я из младенства моего?» (л. 32–32 об.).

Риторический вопрос Петра содержит намек на то, что его детское видение, возможно, указывало на его будущее, было предзнаменованием того, что у него проявится дар владения словом и дар глубокого понимания Священного Писания. В пользу такой авторской интерпретации необычного события свидетельствует один из сюжетобразующих и смыслообразующих элементов видения. Это образ свитка, на котором запечатлены сокровенные знания об одной из частей загробного мира.

Свиток «великой бумаги» в руках Петра рождает ассоциацию с книжным свитком из библейского сюжета о призвании пророка Иезекииля. Как повествуется в Ветхом Завете, у Иезекииля было видение, после чего он стал пророчествовать. В откровении к нему простерлась рука с книжным свитком, который «исписан был внутри и снаружи, и написано на нем: „плач, и стон, и горе“»¹³. по повелению свыше Иезекииль должен был съесть свиток (чтобы пророчествовать словами Бога). Эсхатологические картины, изображенные на свитке из видения Петра Артемьева, также содержат мотивы и образы, символизирующие «и плач, и стон, и горе». И там и там присутствует мотив инициации, хотя Петр, в отличие от библейского персонажа, не съедает свиток, а только созерцает предъявленный ему на свитке непроницаемый для других потусторонний мир, зрением «поглощает» сокровенные знания о нем. Здесь можно усмотреть также определенную связь и с «книгой» (свитком) Откровения: Иоанн также съедает книгу, с тем чтобы пророчествовать¹⁴. Очевидно, что смысловая перекличка видения Артемьева с библейскими сюжетами и образами осознавалась самим писателем (как человеком образованным и хорошо знающим Священное Писание), и это обстоятельство определило характер его трактовки пережитого им сверхъестественного события.

Делясь с отцом воспоминаниями, Артемьев пересматривает свое прежнее мнение о том, что видение случилось по вине некоего Евстафия, их с отцом попутчика в путешествии (очевидно, по святым местам), который якобы навел на ребенка «волшебство». Теперь, исходя из полученного жизненного опыта и книжных знаний, он видит в данном ему откровении тайн потустороннего мира предзнаменование своей судьбы, своего удела:

---

¹³ См.: Иез. 2: 1–10; 3: 1–11.

¹⁴ См.: Откр. 10: 2–10.

И сие, господи, мой отче, и доднесь разумеся и мне быти твоего спутешественника тогда, Евстафия, волшбою приключившееся. Но ныне з дел, явленных величия Божия о мне, разумею истинно бывшее, не волхование, но прознаменование деяний моих всяких нынешних... (л. 33)

Итак, Артемьев высказывает мысль о том, что данное ему в детстве откровение указывало на его избранность, оно определило его будущее, духовный путь, свыше ему был дан дар слова. Испытанный Петром визионерский опыт послужил толчком для пробуждения его интереса к словесному искусству, инспирировал любовь к Священному Писанию. Не исключено также, что Артемьев пытался также объяснить и оправдать свой переход в католичество как предопределенный свыше через видение жизненный путь, на что указывает фраза «прознаменование деяний моих всяких нынешних» из приведенной цитаты.

Интересно, что мотив посвящения звучит также в другом месте послания. На этот раз Петр развивает тему искусного владения словом, проповеднического дара в отношении своего отца Артемия. Осознавая себя посвященным, исполненным благодати, удостоенным свыше дара слова, он желает обретения этого дара и своему отцу, священнику¹⁵. Прошение об этом Артемьев адресует Богу. Он пишет:

Сам ведь Ты меня на сие запустить не омерзился, дай же без отказу, моллю Тя, сие, еже мне дал еси, сугубо и отцу моему, да сугуби над мене исполнися той благодати, возглаголет величия Твоя истинны вседержновенно отныне всюду, идеже восхощет, и в знамение непостыднаго его славославления во весь век живота его, да будет роса токмо на руне, по всей же земли суша, да будет роса благодати Твоя толика в языке его... (л. 31)

После молитвенного прошения Петр уже от имени Бога, якобы услышавшего пожелание сына, обращается к своему отцу:

Услышах и дарствую, Артемие, не Исаие, тщательно разверзши уста своя верою, приими сей уголь Божественный благодати, и во дни святых верзися с корабля неудобоглаголания в пространное море удобоглаголания, не требуя весла, ни ботника, коея-любо буди книги, токмо рцы ко Мне, Иисусу, петровидне: «Господи, повели ми по водам глаголания ходити». Вергнувся же, не озирайся на Петра, пусть он, хоть и тонет, ты пешошествоуй немокренно до брегу конца слова... (л. 31 об.)

Артемьев щедро насыщает свой текст мотивами и образами из Священного Писания, частью им переосмысленными: мотив отворения уст горящим углем для пророчества и проповеди слов Бога (сюжет призвания пророка Исайи¹⁶); евангельский сюжет о хождении Иисуса Христа по водам¹⁷ (у Артемьева – «по водам глаголания»); мотив «знамения руна (шерсти) и росы» – этим знаком должна была подтвердиться воля Бога в отношении ветхозаветного судьи Гедона¹⁸ (Петр просит Бога дать ему знак того, что он услышан, смещая акценты

¹⁵ В это время Петр ожидал решения судьбы отца, за перевод которого из Суздаля в Москву хлопотали перед патриархом Адрианом он сам и ктитория Успенской церкви в Котельниках – некто Иван Матвеевич и Афанасий Михайлович Гурьев, – желавшие, чтобы Артемий занял освободившееся в их церкви место священника. Эти обстоятельства кратко изложены в первых частях послания.

¹⁶ Ис. 6: 6.

¹⁷ Мф. 14: 22–33.

¹⁸ Суд. 6: 36–40.

в истолковании смысла ветхозаветного текста. Вместо росы на земле или на шерсти – роса «в языке»: «да будет роса благодати Твоя толика в языке его»).

Текст послания Артемьева позволяет сделать заключение, что автор в полной мере осознает себя писателем, ощущая работу со словом как призвание и необходимую потребность¹⁹. Об этом ярко свидетельствует и известный факт из его жизни. Будучи уже в заточении в холмогорской тюрьме, не имея бумаги (церковным судом было запрещено давать ему бумагу и чернила), он записывал свои стихи на окнах и оконных рамах – столь велика была тяга к сочинительству. Данный факт зафиксирован в летописной записи, которая сообщает следующее: «А в тюрьме у него во окнах, по обоконьям, по дереву писано было и после его рассмотрено» [Титов, 1889, с. 108].

Думается, что при работе над посланием одной из причин, побудивших Артемьева воскресить в памяти и занести на бумагу свое видение, очевидно, было сильное психологическое напряжение, которое он испытывал в это время, ожидая решения своей участи, о чем он делился с отцом. Предстоящий церковный собор по его делу не предвещал благоприятного исхода. Кроме того, оказывало свое влияние и время Великого поста (время молитвы и покаяния), актуализировавшего тему греха и воздаяния, создававшего особое эсхатологическое настроение. Об адских казнях напоминали и запечатленные в памяти образы видения.

В тексте послания ясно просматривается исповедальное начало. Артемьев много и предельно открыто говорит о себе, как бы исповедуясь перед отцом. Он неоднократно повторяет мысль о своей греховности, глубокой порочности, нравственной нечистоте. Стиль его признаний отличается порой грубым натурализмом. Например, он пишет: «Чем еще пуще завоняю, ибо весь есмь смрад... Пучина греха, бездна неизглаголанная смрада!» (л. 29 об.) Или другой пример, где Артемьев выражает крайнюю степень своей «нечистоты» и «мерзости», сводя в сравнении несводимые для православного сознания понятия – величие и силу Бога и силу своей «злости»; неопишущую божественную чистоту и нечистоту и «мерзость» собственных пороков:

Грехи бо моя толь велики, елико Ты сам велик еси, и злоба моя толь силна, елико Ты сам силен еси... мерзость же моя и скаредство кто возпомянув, не возгнушается, толико бо мерзок и нечист есмь, елико Ты сам пречист еси (Там же).

Послание отражает настроение писателя, которое очень изменчиво и говорит о глубоком душевном разладе. Например, когда Артемьев пишет о готовящемся церковном соборе по его делу, пренебрежительно называя его «забором» («о Бозе моем прелезу сию стену или забор»), – он горделиво насмешлив и вызывающе дерзок. А когда вспоминает свои многочисленные грехи – впадает в глубокое отчаяние. Особое мироощущение Артемьева, повышенное внимание к собственной личности проявляется и там, где он с определенной долей экзальтации благодарит Бога за его милосердие и вновь говорит о себе как о великом грешнике:

Откуда бы аз взях плача греховна глас, аще бы не хлябный Бога глас в сие мя громооглушил? Откуда бы аз бых и веры кафолическия святыя познатель и исповедник явственный, аще не бы сама бездна веры сокровищ на сие мя призвала? О, бездна милосердия предивна! Благодарю Тя за познание. Али у Тя не стало опричь меня лучше инова? Правда, болше

---

¹⁹ Об авторском самосознании как важном признаке формирования писателя-профессионала в XVII в. см.: [Панченко, 1973, с. 161–166].

нет и есть лучше, кто-петь так иной, как я, скарעד и образец-от, Богу над кем иным показать, естли не над мною? Не дивно Богу сатану победить и бездну ада разрушить, дивно, что ни пушова грешника, как меня, спасти, да и ины спасутся. Все грешники с меня берите надприлог мой, аще согрешисте, со мною и в пучину бездны милосердия тоните» (л. 30–30 об.).

Здесь к теме греха и воздаяния вновь примешивается мотив избранности и призвания (в том числе здесь ясно выражена мысль о предопределении свыше его конфессионального выбора). Артемьев готов стать образцом для других грешников. Подобные высказывания автора указывают на двойственный характер его самооценки. Размышления писателя о себе и своей жизни перед угрозой церковного суда, очевидно, стали для него побудительным мотивом для обращения к давнему случаю из детства – видению ада, наполненному яркими и устрашающими образами, которые, согласно интерпретации самого автора, высветили в контексте послания такие аспекты откровения, как указание на избранность и напоминание об ожидающем грешника воздаянии.

Подводя итоги анализа привлеченного текста, можно сделать следующий вывод. Видение Петра Артемьева, содержание которого по воле автора тесно переплелось с контекстом послания, несмотря на небольшой объем и простую структуру, оказало большое влияние на характер авторского самовыражения, усилив исповедальное начало сочинения в целом и значительно расширив его смысловой диапазон. Повествование выстроено таким образом, что в нем прослеживаются индивидуальные черты рассказчика, элементы психологического самоанализа. Будучи включенным в структуру послания видение позволило Петру Артемьеву в большей степени раскрыть себя как писателя, продемонстрировать и свою индивидуальность, и авторское самосознание, что определило литературную специфику сочинения.

Список литературы

- Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1900. 1120 с.
- Касан М. Д. Петр Артемьев // СККДР. Вып. 3: XVII в., ч. 3. СПб., 1998. С. 32–34.
- Книга глаголемая Прохладный Вертоград: Лечебник патриаршего келейника Филагрия / Сост., предисл., вступ. ст., переводы, коммент. Т. А. Исаченко. М., 1997. 412 с.
- Лахтин М. Ю. Старинные памятники письменности М., 1912. 178 с. (Зап. Моск. археологического ин-та; Т. 17).
- Никольский М. Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии. Петр Артемьев // Православное обозрение. М., 1863. Т. 10. С. 246–270.
- Панич Т. В. «Написание к советникам» Афанасия Холмогорского: Материалы к биографии Петра Артемьева // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1999. № 2. С. 40–43.
- Панич Т. В. Артемьев Петр // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 467–468.
- Панич Т. В. Послание Петра Артемьева отцу в Суздаль // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 166–186.
- Панич Т. В. Комплекс рукописных материалов, связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского (Текстологические наблюдения) // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 30–53.
- Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. 278 с.

Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. 428 с.

Прокофьев Н. И. Видение как жанр в древнерусской литературе // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. 1964. Т. 231. С. 35–56.

Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2. 163 с.

Ромодановская Е. К. Рассказы сибирских крестьян о видениях (К вопросу о специфике жанра видений) // ТОДРЛ. Т. 49. СПб., 1996. С. 141–156.

Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. 182 с.

Ярхо Б. И. Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. С. 21–55.

Список источников

БАН. П.1.В.11 (34.3.13). Рукопись начала XVIII в.

ГИМ. Синодальное собрание. № 393. Рукопись конца XVII в.

Список сокращений

БАН – Библиотека Академии наук (г. Санкт-Петербург).

ГИМ – Государственный Исторический музей (г. Москва).

СККДР – Словарь книжников и книжности Древней Руси.

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы.

T. V. Panich

*Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, istochnik@history.nsc.ru*

The vision of Peter Artemiev from his letter to his father and its role in the text structure

The paper examines the eschatological vision of Peter Artemiyev, the author who lived in the second half of the seventeenth century, presented in the part of his letter to his father from Moscow to Suzdal. The analysis was made of the letter duplicate preserved in the only copy in the draft manuscript of the late seventeenth century from the Synodic collection of SHM, no. 393. This letter is of a high scientific value as a source of biographical information about the writer and his literary masterpieces, combining the traditions of Old Russian booklore and cultural innovations of the second half of seventeenth century. In the letter structure, a special place takes the story of his own visionary experience (hell vision) that is related to the early period of life. The study deals with the content and system of characters of the vision, defines its structural specificity, establishes the connection between the vision and letter context, and determines its function in the compositional structure of the work. By its content, the vision described by Peter Artemiev is close to the type of visionary genre where the otherworld themes were developed. The text of the vision reflects the complex of author's representations that were formed by the booklore influence, especially the texts with eschatological content. Among the topoi of the visionary genre used by the author, a special role plays the image of «paper scroll» where the sacred knowledge about some part of the otherworld is imprinted. This image can be definitely correlated with the Old Covenant storyline concerning the calling of prophet Ezekiel (Ez 2: 1–10; 3: 1–11). The connection of vision with Bible theme might have defined the character and conceptual orientation of its interpretation by the author himself. In total, the eschatological motifs and characters used by Peter Artemiev, according to his interpretation, have highlighted in the letter context such aspects of vision as pointing at chosenness and reminder of retribution for the sinner. The text analysis shows that the vision of Peter Artemiev, the content of which is closely connected with the letter context, had a significant influence on the author's image and manner of self-expression. It made the confessional basis of the essay stronger and expanded its semantic range. In the narration, one can trace the individual features of the author, the elements of psychological self-

analysis. Since Peter Artemiev vision is included in the letter structure, it helped him to disclose his writer's talent, demonstrate the individuality and authors self-consciousness.

Keywords: XVII century, Peter Artemiev, letter, hell vision, eschatology, author's image.

DOI 10.17223/18137083/65/4

References

- D'yachenko G. *Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar'* [Complete church-Slavic dictionary]. Moscow, 1900, 1120 p.
- Kagan M. D. Petr Artem'ev. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 3: XVII v., ch. 3* [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Russia. Iss. 3: 17th century, pt 3]. St. Petersburg, 1998, pp. 32–34.
- Kniga glagolemaya Prokhladnyy Vertograd: Lechebnik patriarshego keleynika Filagriya* [The Book named Fresh Garden: patriarchal cell-attendant Philagros' book of home cures]. Comp., foreword, entry art., transl., comm. by T. A. Isachenko, Moscow, 1997, 412 p.
- Lakhtin M. Yu. *Starinnye pamyatniki pis'mennosti* [Ancient literary texts]. Moscow, 1912, 178 p. (Zap. Mosk. Arkheologicheskogo in-ta; T. 17 [Notes of Moscow Archeological Inst., Vol. 17]).
- Nikol'skiy M. Russkie vykhodtsy iz zagranichnykh shkol v XVII stoletii. Petr Artem'ev [Russians immigrants from foreign schools in 17th century. Petr Artem'yev]. In: *Pravoslavnoe obozrenie* [Orthodox review]. Moscow, 1863, vol. 10, pp. 246–270.
- Panich T. V. "Napisanie k sovetnikam" Afanasiya Kholmogorskogo: Materialy k biografii Petra Artem'eva ["A letter to the advisers" by Afanasiy Kholmogorskiy: Materials for the biography of Petr Artem'yev]. In: *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Seriya: Otechestvennaya istoriya* [Humanities in Siberia. Series: National history]. Novosibirsk, 1999, no. 2, pp. 40–43.
- Panich T. V. Artem'ev Petr. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, 2001, vol. 3, pp. 467–468.
- Panich T. V. Poslanie Petra Artem'eva ottsu v Suzdal' [A letter to the father to Suzdal from Petr Artem'yev]. In: *Pamyatniki otechestvennoy knizhnosti: novye teksty, novye interpretatsii* [The monuments of national booklore: new texts, new interpretations]. Novosibirsk, 2007, pp. 166–186.
- Panich T. V. Kompleks rukopisnykh materialov, svyazannykh s delami Petra Artem'eva i Grigoriya Skibinskogo (Tekstologicheskie nablyudeniya) [A complex of manuscripts connected to the cases of Petr Artem'yev and Grigoriy Skibinskiy (Textological observations)]. In: *Obshchestvennoe soznanie i literatura Rossii: istochniki i issledovaniya* [Social conscience and Russian literature: sources and research]. Novosibirsk, 2008, pp. 30–53.
- Panchenko A. M. *Russkaya stikhotvornaya kul'tura XVII veka* [Russian poetry culture of 17th century]. Leningrad, 1973, p. 278.
- Pigin A. V. *Videniya potustoronnego mira v russkoy rukopisnoy knizhnosti* [The vision of otherworld in Russian manuscript booklore]. St. Petersburg, 2006, p. 428.
- Prokof'ev N. I. Videnie kak zhanr v drevnerusskoy literature [Vision as a genre in Old Russian literature]. *Uchen. zap. Mosk. gos. ped. in-ta*. 1964, vol. 231, pp. 35–56.
- Protas'eva T. N. *Opisanie rukopisey Sinodal'nogo sobraniya (ne voshedshikh v opisanie A. V. Gorskogo i K. I. Nevostrueva)* [The description of Synodic assembly manuscripts (not included into the description of A. V. Gorskiy and K. I. Nevstruev)]. Moscow, 1973, pt 2, p. 163.
- Romodanovskaya E. K. Rasskazy sibirskikh krest'yan o videniyakh (K voprosu o spetsifike zhanra videniy) [Siberian peasants' stories about visions (To the specificity of visions genre)]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. T. 49* [Proceedings of the Department of Old Russian literature. Vol. 49]. St. Petersburg, 1996, pp. 141–156.
- Titov A. A. *Letopis' Dvinskaya* [Dvinskaya chronicle]. Moscow, 1889, p. 182.
- Yarkho B. I. Iz knigi "Srednevekovye latinskie videniya" [From "Middle Ages Latin Visions"]. In: *Vostok – Zapad: Issledovaniya. Perevody. Publikatsii* [East – West: Research. Translations. Publications]. Moscow, 1989, pp. 21–55.